

21.06.94

Солженицын А

— 1994. — 21 июня. — С. 3

**Солженицына
обвиняют во всех
смертных грехах,
забывая, что он —
писатель, а не политик**

Солженицын?.. Не-е, не знаю такого...

(какие-то результаты опроса, проведенного службой "Мнение")

- 1. Вы знаете, кто такой Солженицын?**
- писатель-89,4%
 - не знаю-5,9%
 - другой ответ-4,7%
- 2. Вы слышали, что Солженицын вернулся в Россию?**
- впервые слышу-7,9%



- 3. Как повлияет возвращение Солженицына на политическую ситуацию в России?**
- не повлияет-49,2%
 - не знаю-30,6%
 - улучшит-14,9%
 - ухудшит-5,3%
- 4. Какие книги Солженицына вы читали?**
- ничего не читал-44,4%

ПО РОДНОЙ СТРАНЕ

Не крикнут девушки «ура» и в воздух чепчики не бросят...

Ведущий встречи Александр Солженицын с «общественностью города Улан-Удэ», кажется, знал, что скандал зреет и надвигается со стороны окна. Там, облокотившись на подоконник, стоял писатель Владимир Митыпов, который три или четыре раза просил слова и время от времени громко поправлял гостя.

— Россия шла к сегодняшнему состоянию не два года, не семь лет, а семьдесят семь... — говорил Александр Исаевич.

— А может, тысячу? — вставлял Митыпов.

— Вы почему меня перебиваете?

Солженицын багровел от гнева, Митыпов снова шел к президиуму, просил слова, ведущий отказывал со ссылкой на «очередность», чем только еще больше распался местного писателя. Потом все карты спутала невеста откуда взявшаяся бабка, «потерявшая голос на выборах и референдумах», и, когда зал прохотелся, Митыпов уже стоял на трибуне и громил Солженицына.

Суть его речи сводилась к убеждению, что Минина и Пожарского из Александра Исаевича не выйдет, что он сам своими злободневными трудами распатал прежнюю жизнь и что лучше ему уметь обратно в Америку. Получалось так, что пробывший двадцать лет в изгнании литератор виноват в детской вшивости и разведении деревенской бедноты: сельским ребятишкам, мол, не то что «Твикса» не на что купить — они комбикорм для скота почитают за лакомство.

В тот день не в первый раз в Улан-Удэ Солженицына встречали как неприятеля. Утром он поехал в Свято-Троицкую церковь, а там, как на грех, местный «атаман» с ватагой малолетних соратников агитировал, чтобы в президенты Бурятии выбрали русского. «Фашист» — таким было самое безобидное слово, которым он назвал писателя. Визит вышел ни то ни се, и запомнилась разве милостыня в тысячу рублей, которую Ермолай Солженицын успел второпях сузуть нищему.

В общем, в «относительно спокойной Бурятии» (так здесь привыкли говорить о самих себе) скучать не пришлось. Нагловатые, с прибабахом везде лезли на первый план и напрочь стерли из памяти добрые встречи в Иволгинском дацане (буддистском монастыре), в этнографическом музее и на центральной площади города.

По мере продвижения на запад страны этих хамских выходов становится все больше.

И дело не только в том, что у кого-то там культуры маловато. Бросьте, он знал, куда ехал. Тут другое. Хотя Солженицын постоянно говорит о том, что он писатель, а не политик, собственно о литературе за все время поездки от Приморья до Бурятии не было обронено ни словечка. Ну хоть бы ради разнообразия сказал что-нибудь про Астафьева, Распутина или Говорухина! Нет же, везде его спрашивают, и везде он говорит почти исключительно как политик. И реформатор у Гайдара безмозглый, и Горбачев своих людей в лучшие кресла пересаживал, и партии не Богом придуманы. Хочешь не хочешь, но многие завидели над его головой нимб спасителя: сейчас он всем вломит и обустроит. Какую, что-то такое сложилось в первые дни и у вашего покорного слуги.

Многим наставительный тон писателя не понравился

с самого начала. Сидел, дескать, в своей Америке, не бедствовал, пописывал, пока мы тут, бедные, мучались, а теперь приехал и поучает.

В избе восточных бурятов, которую показывали Александру Исаевичу в этнографическом музее, его спросили: знает ли он, почему вся обувь у здешних народов сделана носком кверху? Оказывается, для того, чтобы ненароком не поранить землю. Он удивился, тут же достал блокнот, записал в него милую его сердцу деталь. Он ведь тоже за экологию — как в прямом смысле слова, так и в глобальном, политическом. Мало поломать хребет коммунизму — надо сделать так, чтобы после ломки еще и жить можно было.

Как? Да вот так: выбирать достойных, вырывать русских из бывших союзных республик, создавать рядом с гигантами индустрии мелкие мастерские, цеха и пр. Обустроить, мол, надо снизу, постепенно. Простенько так, популярно.

Только ведь мы все так и пытались делать. Мы ж именно самых достойных хотели в депутаты. Но с ними вечная история: как вышел в люди, так и губу воротит, и из Москвы домой глаз не кажет.

А русских — как их из ближнего зарубежья вытащить? Где на это деньги взять? И тут Александр Исаевич о мягкости выражений не заботится. Особенно по части Казахстана и Украины. Про «референдум в Малороссии» говорится так, будто миллионы людей по какому-то недоразумению или слабости решили выделиться из Союза.

Конечно, публике такие речи нравятся: круто, по-мужички, за патристическую струнку задевает, почти как Жириновский, но поумнее, да и хлесткости поменьше. Но не всем. На читинском вокзале, когда журналисты облепили вагон, я заметил офицеров, которые стояли чуть поодаль и со злобостью поплевали на перрон. Когда поезд отошел, решил узнать, что им конкретно не понравилось. Оказалось, что они с Украины, служат в ЗабВО. Переводиться на Родину не собираются, но от того не перестают считать себя украинцами.

— Смешные вы, русские. Ну если отделяются от вас — насильно же мил не будешь. Видимо, для Александра Исаевича важнее как можно более понятно высказывать собственные мысли, чем просчитывать последствия своих высказываний. Нам, россиянам, кажется, что у него такое право есть, что он заслужил его всей жизнью. Только с экологией как быть? Мы ведь так расцарапали друг друга словами, что можем на спор за стакан клубники на восточном базаре затеять национальный конфликт с последующим переселением народов.

Сколько журналистов освещало поездку Солженицына? Сто? Двести? Нет, еще больше. Когда я регистрировался в Приморской краевой администрации для участия в первой пресс-конференции писателя на российской земле, меня попросили запомнить порядковый номер — 308. Примерно две трети представляли иностранные издания, агентства и компании. Они так стремились занять место повыгоднее для съемки, что под конец натурально пересобачились между собой. Хорошо, не дошел до Александра Исаевича русский мат с иностранным акцентом — то

один фотокор своей башкой загородил коллеге вид из объектива на патриарха.

И сразу же пошли не шибко умные вопросы. Типа: нравится ли Александру Исаевичу, что из его возвращения устроили шоу? Кто устроил, не уточняли. То ли краевая администрация, то ли сопровождавший его писатель Борис Можжаев, то ли сам Солженицын.

Что ему было ответить? Ну не нравится. А насчет фотожурналистов он еще в аэропорту разгневался: шелк да шелк без конца — прямо беда. И Александр Исаевич уверял: «шоу» скоро кончится, останутся его встречи с людьми.

Но вряд ли он сам предполагал, что толпа вокруг него рассеется так скоро. Уже через пару дней чуть ли не всех корреспондентов из Владивостока как ветром сдуло.

Если сначала возвращение писателя сравнивали чуть ли не с уходом Льва Толстого из Ясной Поляны, то потом вышло так, что уход был как будто по своим делам.

Дело, видимо, в том, что мы по старой привычке взяли моду видеть в любом крупном писателе «больше, чем поэта». Все-то нам хочется, чтобы они подписывали «обращения», выступали по текущему моменту, поправляли политиков.

И Александр Исаевич на такую роль вроде подходит. Его первые заявления на российской земле были убийными, срывали аплодисменты в зале и на улице. Его просили вмешаться в конфликт вокруг прежнего мэра Владивостока, передать сведения о своих проблемах президенту. Но потом стали замечать: писатель везде говорит одно и то же, буквально слово в слово — про выборы по партийным спискам, про «народное правство» (демократию), про предприятия-монополии, которые взвинчивают цены в условиях либерализации. Создалось впечатление, что проповедь записана на магнитофон и тщательно заучена.

И тут выяснилось, что свежих идей на предмет обустройства у писателя немного. Он ведь все-таки писатель, а не политик. Ну, а нашему брату все подавай свеженькое, чтобы было чем потчевать зрителя или читателя. Так рухнула еще одна иллюзия насчет того, что когда-то нам явится человек и укажет единственно верный путь.

Его выходы на улицу и встречи в залах по-прежнему собирают много народу. И власти по-прежнему стремятся выказать побольше уважения. Им-то что — лишь бы поменьше в пути следования встречалось и несогласных из просвещенных, и откровенных идиотов.

Но что-то не так. Уже в Улан-Удэ выступающие с трибуны через одного напоминали: мы видим в вас прежде всего писателя и ждем новых художественных произведений. Мастеров ругать порядки у нас и без того много.

Захочет ли услышать эти пожелания Александр Исаевич? Есть ведь вероятность, что к моменту прибытия в Москву его слова потеряют в цене и станут легкими — как у заурядного политика. Или — как это было уже не раз — он найдет верный выход из ситуации, и не станет у нас одним писателем меньше и одним общественным деятелем больше?

Или — или.

Владимир МЕДВЕДЕВ.
(Наш корр.)
Владивосток — Улан-Удэ.
Графина РАМИЛЯ ФАРУТДИНОВА.

75